

Миклашевич Варвара Семеновна

Село Михайловское

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В18

В18 **Варвара Семеновна М.**
Село Михайловское / Миклашевич Варвара Семеновна – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 672 с.

ISBN 978-5-519-96425-8

ISBN 978-5-519-96425-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

описываемое ею время, т. е. въ концѣ царствованія Екатерины II, автору было около тридцати лѣтъ—возрастъ самый впечатлительный, и В. С. Миклашевичъ, вѣроятно, сама не подозрѣвала, до какой степени ярко отразились въ ея романѣ нравы того времени.

Казалось бы, что повѣсть наблюдательнаго и поэтическаго современника о дѣлахъ давно минувшихъ не можетъ не быть интересна, а между тѣмъ судьба этого романа была печальна сравнительно, и первое изданіе не распродалось еще до сихъ поръ.

„Съ мнѣніемъ вашимъ“, писалъ въ 1865 г. въ одномъ частномъ письмѣ Андрей Андреевичъ Жандръ, родственникъ В. С. Миклашевичъ („Село Михайловское“ было издано его супругой П. П. Жандръ), „съ мнѣніемъ вашимъ, что романъ, можетъ быть, будетъ имѣть большій успѣхъ, чѣмъ если бы онъ вышелъ въ свѣтъ тогда, когда онъ былъ написанъ, я не могу согласиться. Тогда книгопродавцы, узнавъ по слуху отъ читавшихъ романъ литераторовъ, предлагали за манускриптъ его 30 т. р. ассигнаціями и были увѣрены, что онъ имъ принесетъ выгоду, а теперь, когда слухъ о романѣ затихъ, онъ продается пока хорошо, но его въ манускриптѣ никто за наличныя деньги не купилъ бы; продать же тогда можно было только по пропускѣ его цензурою, чего до сихъ поръ мы не могли добиться“.

Въ томъ же письмѣ А. А. Жандръ передаетъ о впечатлѣніи, произведенномъ „Селомъ Михайловскимъ“ на Пушкина.

„А. С. Пушкинъ“, говоритъ онъ, „узналъ отъ меня о существованіи романа и пріѣхалъ къ намъ просить эту книгу. Вотъ его сужденіе, переданное мнѣ, независимо отъ того, что онъ говорилъ сочинительницѣ. По прочтеніи первой части онъ сказалъ мнѣ, что почти не выпускалъ книгу изъ рукъ, пока не прочелъ“. „Какъ все это увлекательно“, говорилъ онъ. „Но какъ досихъ поръ *désoûsi*! Какъ-то она сведетъ концы?“ Но когда онъ прочиталъ всю книгу, то сказалъ: „удивляюсь, какъ все, что мнѣ казалось *désoûsi*, у нея прекрасноразъяснилось, и какъ интересъ всей книги до самаго конца увлекателенъ. Старайтесь издать книгу скорѣе, а я напишу къ нѣсколькимъ главамъ эпиграфы“.

Съ этимъ намѣреніемъ онъ и взялъ первую часть къ себѣ.

Но не Пушкинъ написалъ эпиграфы къ первой части „Села Михайловскаго“, а Жандръ. Ему же принадлежитъ и четверостишіе въ началѣ каждой части, заключающее въ себѣ общій эпиграфъ:

Мелькаютъ дни, и мѣсяцы, и годы;
За вѣкомъ вѣкъ невидимо летитъ;
Блеснутъ, исчезнутъ, вновь цвѣтутъ
народы.

А бѣлый свѣтъ попрежнему стоитъ.

„Пушкинъ и Жуковский восхищались не страницами“, — пишетъ Жандръ въ отвѣтъ на одинъ критическій отзывъ о „Селѣ Михайловскомъ“, — а цѣлымъ сочиненіемъ. Жуковский понималъ его совершенно и немудрено:

онъ въ три дня прочиталъ всѣчетыре части и такъ хорошо зналъ весь ходъ романа, что содержаніе каждой части разбиралъ подробно. Онъ замѣтилъ нѣкоторыя длинноты и неясности, и В. С. все это тогда же исправила. Самое знакомство В. С. съ Жуковскимъ доказываетъ, какъ его заинтересовала первая часть романа, найденная имъ послѣ смерти Пушкина (въ его бумагахъ)“.

„Прочитавши эту часть, онъ пріѣхалъ знакомиться съ В. С. и выпросилъ у нея прочитать остальные части“.

Гречъ написалъ къ „Селу Михайловскому“ такое предисловіе:—„Содержаніемъ повѣсти „Село Михайловское“, или „Помѣщикъ XVIII столѣтія“, служить истинное происшествіе, случившееся въ осьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ минувшаго столѣтія, въ одной изъ низовыхъ губерній. Сочинительница ея, родившаяся въ томъ краѣ, Варвара Семеновна М., женщина необыкновенная, твердаго, проникательнаго ума, нѣжнаго сердца и рѣдкихъ дарованій, была свидѣтельницею описываемаго ею. Испытавъ въ жизни жестокіе удары судьбы и невозвратимыя потери, она знала и понимала свѣтъ и людей, искала отрады и утѣшенія въ дружбѣ, благотворительности, въ занятіяхъ словесностью и въ теплой молитвѣ къ Богу. Одаренная твердою памятью, пылкимъ воображеніемъ и необыкновеннымъ даромъ слова, она разсказывала въ тѣсномъ дружескомъ кругу видѣнное и испытанное ею, увлекаая всѣхъ слушавшихъ ее и содержаніемъ

описываемаго ею, и вѣрностью, и живостью разсказа. Въ числѣ ихъ былъ незабвенный Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, любившій и уважавшій Варвару Семеновну, какъ родную мать, да и она любила его, какъ сына. Онъ внимательно слушалъ разсказы о ея молодости, о тогдашнемъ бытѣ и нравственно-грустномъ состояніи ея родины въ то время. Услышавъ же исторію ужаснаго преступленія одного помѣщика, онъ сталъ убѣдительно просить ее написать свой разсказъ объ этомъ необыкновенномъ происшествіи. Варвара Семеновна рѣшилась исполнить его желаніе, и въ преклонныхъ лѣтахъ занялась трудомъ, который требовалъ бы силъ юныхъ и свѣжихъ. Грибоѣдовъ успѣлъ, предъ послѣднимъ выѣздомъ своимъ изъ Петербурга (въ 1828 году), прочитать первыя главы „Села Михайловскаго“ и именемъ дружбы убѣждалъ Варвару Семеновну окончить начатое. Она исполнила свое обѣщаніе въ 1836 году, и тогда же подарила издательницѣ свое твореніе съ условіемъ напечатать, когда представится къ тому случай. Варвара Семеновна скончалась въ 1846 году семидесяти восьми лѣтъ отъ рожденія. Воля ея теперь исполняется.

„Всеѣ они (т. е. литераторы, читавшіе романъ въ рукописи) изъявляли желаніе, чтобы романъ былъ напечатанъ: особенно увлекались они въ немъ изображеніемъ жизни и характера духовныхъ лицъ—звуками струны, доселѣ у насъ еще не тронутой. И гражданская, и свѣтская жизнь представлялась здѣсь, со многихъ сторонъ, вѣр-

но и подробно. Небольшіе отрывки, напечатанные въ журналахъ, напри-
мѣръ, въ „Сынъ Отечества“ 1831-го
года *) и позднѣе въ „Библіотекѣ для
чтенія“, возбудили любопытство всей
русской публики. Приведу сказанное
мною о „Селѣ Михайловскомъ“ въ од-
номъ изъ моихъ чтеній о русской ли-
тературѣ, за двадцать пять лѣтъ предъ
симъ: „У насъ есть романъ, пока еще
существующій въ рукописи и извѣст-
ный только немногимъ. Два отрывка
изъ него, за нѣсколько лѣтъ предъ
симъ, напечатаны были въ „Сынъ Оте-
чества“. Этотъ романъ, если только
выйдетъ въ свѣтъ, займетъ первое
мѣсто, какъ вѣрностью изображенія рус-
скихъ нравовъ, такъ и оригинальностью
характеровъ, занимательностью содер-
жанія, высокою нравственною цѣлью,
теплотою чувства и мастерскимъ рус-
скимъ слогомъ. Всего достойнѣе замѣ-
чанія то, что онъ написанъ дамою.
Я намѣревался было прочесть отры-
вокъ изъ него, но не могъ выбрать:
не трудно снять одно зерно съ нит-
ки, нанизанной механически, но какъ
вынете вы часть изъ живого органи-
ческаго цѣлаго, не повредивъ ей, не
лишивъ ея жизненности?“

Варвара Семеновна Миклашевичъ
была дочерью богатаго пензенскаго по-
мѣщика Смагина, погибшаго во вре-
мя пугачевского бунта. Ее полутораго-
довую и маленькаго брата вмѣстѣ съ
матерью и кормилицей удалось спря-
тать въ двухъ стогахъ сѣна, когда Пу-

*) Первый въ 19 и 20, а второй въ 43 и
44 книжкахъ.

гачевъ явился въ ихъ усадьбу. Сама В. С. не любила говорить объ этомъ времени и о своемъ прошломъ; это рассказывала ея крѣпостная дѣвушка. Варвара Семеновна была очень живого нрава, впечатлительна, чрезвычайно умна, по тому времени хорошо образована и съ горячею религіозною душой.

Вотъ какъ писалъ о ней А. А. Жандръ въ 1865 году: „Думала ли В. С. изображая себя въ лицѣ фантастической Оленьки *) именно такую, какою она была именно въ тѣ лѣта, когда она славилась своимъ умомъ въ Пензѣ въ томъ обществѣ, душою котораго былъ губернаторъ, извѣстный писатель князь Н. М. Долгорукій, человекъ необыкновенно по-тогдашнему образованный,—думала ли она показаться настоящей героиней новѣйшихъ романовъ? Во время ея юности дѣвушки были совершенно другія. Воспитывались онѣ и жили въ той невинности и вѣрѣ, которыя теперь кажутся непонятными. Онѣ мыслили, любили и поступали такъ, какъ поступаетъ Ольга въ романѣ, и какъ это было въ самомъ дѣлѣ.

...Изъ этой-то дѣвушки вышла послѣ долгихъ опытовъ жизни сама В. С.“

Варвара Семеновна вышла замужъ за Миклашевича, который былъ много старше В. С. и по нравственнымъ качествамъ своимъ ея не стоилъ; между прочимъ онъ проигралъ въ одну ночь все ея состояніе, а она была богатою невѣстой. У Смагиныхъ было 600 душъ

*) Главная героиня романа, дочь помещика Пешна.

крестьянъ. Выйти замужъ за Миклашевича, заставилъ В. С. страхъ—за нѣсколько времени передъ этимъ подъ ея окошкомъ застрѣлился молодой человекъ, учитель ея брата, изъ-за отвергнутой ею любви.

Мужъ ея перешелъ служить въ Петербургъ и по какому-то доносу по повелѣнію Павла I былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Варвара Семеновна каждый день ходила къ нему туда обѣдать. Разъ она пошла по обыкновенію въ крѣпость и разминутась съ лакеемъ, посланнымъ извѣстить ее, что государь потребовалъ къ себѣ ея мужа. Павелъ убѣдился въ невинности Миклашевича и въ видѣ вознагражденія за несправедливый арестъ объявилъ ему, что назначаетъ его на Донъ (въ Михайловскую станцію) уполномоченнымъ прокуроромъ. (Князь Долгорукій, бывший въ то время пензенскимъ губернаторомъ, называетъ его магистральнымъ прокуроромъ. „Русскій Архивъ“, 1890 г.). Когда Миклашевичъ попросилъ позволенія проститься съ женою, ему позволено было повидаться съ нею только 5 минутъ. Онъ успѣлъ ей сказать: распродай все и поѣзжай за мною.

В. С. была беременна и отправилась съ горничною въ Михайловскую станцію; не доѣзжая ея сколько-то верстъ, она принуждена была остановиться въ глухой деревнѣ, почувствовавъ приближеніе родовъ. Здѣсь у нея родился сынъ въ ужасныхъ условіяхъ, въ землянкѣ, на каменномъ полу, и первый уходъ себѣ и сыну В. С. должна была оказать сама, такъ какъ около нея,

кромѣ неопытной горничной и такой же неопытной старухи-хозяйки, никого не было. Какимъ-то образомъ дали знать въ Михайловскую станицу, откуда за нею прислали экипажи и съ большою пышностью и почестями ее встрѣтили.

Сына пришлось В. С. потерять, когда ему было 8 лѣтъ; это было для нея такимъ ударомъ—она съ нимъ не разставалась никогда, даже дѣлая визиты—что темные волосы ея пожелтѣли въ одну ночь и стали дыбомъ.

Первое время послѣ смерти этого ребенка она цѣлые дни проводила на его могилѣ и, только много лѣтъ спустя, успокоилась тамъ же, на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Мужъ ея умеръ еще до смерти сына въ началѣ восьмисотыхъ годовъ. Когда ее спрашивали, почему она не поставитъ сыну памятника, она отвѣчала, что сама на его могилѣ „памятникъ живой“.

Впослѣдствіи ей попались на глаза стихи въ „Сѣверной Пчелѣ“, гдѣ были эти самыя слова: „я приросту къ его могилѣ, какъ памятникъ живой“, и по нимъ она узнала въ авторѣ кн. Одоевскаго, своего большого друга. В. С. впрочемъ, была другомъ со всѣми декабристами, хотя ихъ планы ей были совершенно неизвѣстны. За десять дней до открытія заговора она праздновала свои именины, и у нея были гости. Вдругъ она сказала кн. Одоевскому, который въ эту минуту накладывалъ ей винограду: „мнѣ показалось, что я вижу васъ въ халатѣ...“ Одоевскій поблѣднѣлъ, принявъ, можетъ быть, эти слова за пророчество, которое сбылось такъ скоро послѣ этого.

Когда начались аресты, В. С. уговорила А. А. Жандра (близкого друга Грибоѣдова, Рылѣва, Одоевскаго, Бестужева) помочь кн. Одоевскому бѣжать и достать ему для этого статское платье (кн. Одоевскій служилъ въ конпо-гвардейскомъ полку). Все удалось сначала довольно хорошо. Кн. Одоевскій пѣшкомъ пошелъ по Парголовскому шоссе; но удачидяди его, Мордвинова, люди узнали его, а Мордвиновъ вернулъ его въ Петербургъ и представилъ куда слѣдуетъ.

В. С. изобразила кн. Одоевскаго въ „Селѣ Михайловскомъ“ въ лицѣ любимого своего героя Заринскаго. Вотъ что говоритъ по этому поводу А. А. Жандръ: «Ильменевъ, Заринскій (декабристы) и молодой Рузинъ (Грибоѣдовъ) не похожи на нынѣшнихъ молодыхъ людей. Характеръ ихъ, рѣчь, даже наружность двухъ послѣднихъ совершенно сходны съ оригиналами».

„Они сочинительницею перенесены въ прежнее время и представлены тогдашними массонами. Они, не жалѣя себя, шли противъ власти губернатора. Это еще ничего. Во время царствованія императора Павла они не боялись ни ссылки, ни истязаній и подвергались всему этому за угнетенное челоувѣчество. Вотъ истинный ихъ характеръ. Въ концѣ XVIII вѣка были въ Россіи такіе люди, предшественники новыхъ дѣятелей, и это въ романѣ очень интересно въ историческомъ отношеніи“.

„Романъ „Село Михайловское“ или ниже всякой критики, и тогда о немъ писать нечего, или заслуживаетъ пол-

наго разбора, — писалъ въ 1865 году А. А. Жандръ. — Въ романѣ прежде всего замѣчается историческій фактъ, на которомъ онъ основанъ: злодѣйства, дѣйствительно совершенныя богатымъ, необузданнымъ въ страстяхъ помѣщикомъ. Сочинительница не выдумывала ничего: въ ея книгѣ нѣтъ ни одного лица *), которое не жило бы во время происшествія и не дѣйствовало такъ, какъ она его описала. Современные ей старожилы низового края, которыхъ я видалъ въ Петербургѣ уже очень пожилыми, узнавали, чей портретъ изображаетъ почти каждое лицо романа. Это видно и изъ предисловія; поэтому мнѣ казалось бы, что для пониманія романа нужно сперва перенестись воображеніемъ за 70 — 80 лѣтъ и судить о лицахъ романа, какими они были въ то время, — потомъ припомнить себѣ общій характеръ словесности 1830-хъ годовъ, когда Вальтеръ-Скоттъ былъ еще въ полной славѣ. Сочинительница заимствовала отъ него собственно форму своей книги: остальное все — и люди, и происшествія — истинны и списаны съ натуры“.

Въ компановкѣ и вообще въ формѣ этого романа замѣтна неопытная рука, и замѣчаніе Жандра о сходствѣ въ этомъ отношеніи съ Вальтеръ-Скоттомъ не совсемъ вѣрно: что касается собственно плана, у Вальтеръ-Скотта онъ во всѣхъ романахъ гораздо выдержаннѣе, стройнѣе и проще. Въ „Селѣ Михайловскомъ“ много совер-

*) Кромѣ общей массы.